

В.А.ТОНКОВ

А.В. КОЛЬЦОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЗНАНИЕ

1 9 5 9

С Е Р И Я Ш Е С Т А Я

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

10

В. А. ТОНКОВ

А. В. КОЛЬЦОВ

(К 150-летию со дня рождения)

*Печатается по рекомендации президиума правления
Общества по распространению политических и научных
знаний РСФСР*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1959

Брошюра рассказывает о жизненном и творческом пути народного поэта Алексея Васильевича Кольцова, 150 лет со дня рождения которого исполняется в 1959 году. Вышедший из глубин народа, в своих популярных, широко известных стихотворениях поэт воспел тяжелую судьбу крестьянства, его стремление к вольной жизни, любовь к родной русской природе, искренность чувств простых людей.

Поэзию Кольцова высоко ценили его современники, ее любит и знает советский народ.

Ранние годы жизни. Первые стихи

Трудно назвать другого русского поэта первой половины XIX века, который был бы так тесно, как А. В. Кольцов, связан с жизнью народа. Еще Белинский, отмечая эту нерасторжимую связь поэта с народом, говорил, что Кольцов «душою, сердцем, кровью любил русскую природу и все хорошее и прекрасное, что, как зародыш, как возможность, живет в натуре русского селянина», что, сочувствуя простому народу, он «знал его быт, его нужды, горе и радость, прозу и поэзию его жизни».

Раздумывая над жизнью Кольцова — поэта по призванию и вдохновению, Белинский писал: «Прасол, верхом на лошади гоняющий скот с одного поля на другое... приказчик, стоящий на базаре у возов с салом,—и мечтающий о любви, о дружбе, о внутренних поэтических движениях души, о природе, о судьбе человека, о тайнах жизни и смерти, мучимый и скорбями растерзанного сердца и умственными сомнениями, и в то же время... смысленный и бойкий русский торговец, который продает, покупает, бранится и дружится бог знает с кем, торгуется из копейки и пускает в ход все пружины мелкого торгашества, которых внутренне отвращается как мерзости: какая картина, какая судьба, какой человек!..»

В резком противоречии между умственными запросами Кольцова, его природным поэтическим дарованием и духовно убогим миром провинциального купечества и мещанства родного города, с его освященными вековой традицией обычаями и нравами, заключалась трагедия жизни поэта.

Алексей Васильевич Кольцов родился 3 (15 нов. ст.) октября 1809 года в Воронеже, в семье прасола (торговца скотом). Когда Кольцову исполнилось девять лет, его отдали в Воронежское уездное училище, но из второго класса он был взят

отцом для торговых дел. Юность Кольцова была, по его собственному признанию, безотраднa.

Скучно и нерадостно
Я провел век юности... —

писал поэт в «Повести моей любви» (1829). Но прасольские занятия имели для Кольцова и положительную сторону. Разъезжая по селам и деревням, он непосредственно соприкасался с жизнью крестьян, слушал народные песни, сказания, легенды. В стихотворении «Ночлег чумаков» (1828), рассказывая о своей жизни в степи, Кольцов вспоминал:

Вблизи дороги столбовой
Ночует табор кочевой
Сынов Украины привольной...
Бывало, часто, ночью темной,
Я с ними время разделял
И, помню, песням их внимал
С какой-то радостью невольной...

Живое общение с народом, знакомство с устным народным творчеством, близость к родной природе оказали самое положительное влияние на духовную жизнь Кольцова, укрепили его душевные силы, помогли развить дар острой и проницательной наблюдательности, способствовали рождению в нем поэтического дарования.

Рано пробудился у Кольцова интерес к литературе. Чтение было настолько сильной страстью юного поэта, что он не расставался с книгой даже во время своих выездов в степь. Это пристрастие привело Кольцова к знакомству в 1825 году с воронежским книготорговцем Кашкиным. Дмитрий Антонович Кашкин (1793—1862) — примечательная личность того времени, выделялся начитанностью, имел солидную библиотеку, много размышлял над литературной современностью.

В течение пяти лет Кольцов пользовался советами Кашкина и книгами из его библиотеки. По словам Белинского, целый новый мир открылся перед Кольцовым, и поэт «бросился в него со всем жаром, со всею жадностью нестерпимого голода». «...Помнится,— рассказывал близко знавший Кольцова Ф. Д. Трясоруков,— в 1825 г. я видал в этой лавке (лавке Кашкина.— В. Т.) мальчика лет 15-ти, небольшого роста, незавидной наружности, в нагольном засаленном полушубке, рассматривающего книги или читающего что-нибудь новое... Я скоро с ним сошелся и узнал, что он сын нашего прихожанина, Василия Петровича Кольцова, прасола, человека самого простого образования, и что он (А. В. К — ов), как один сын у отца, должен помогать ему во всех его торговых занятиях».

Не говоря уже о знакомстве с лучшими стихотворениями крупнейших поэтов XVIII века, Кольцов знал Пушкина, Ры-

леева, Жуковского, Крылова, Баратынского, Вяземского, Веневитинова, Дельвига и других писателей. Ему были известны и такие важные периодические издания тех лет, как «Сын отечества», «Московский вестник», «Московский телеграф». Возможно, Кольцову были известны также запретные стихи, имевшие довольно широкое распространение в кружках воронежской молодежи и, в частности, среди друзей Кашкина. Сам Кашкин, как утверждает профессор Ю. Г. Оксман, был лично, а может быть, и организационно-политически связан с одесским «Обществом Независимых», разделявшим основные идеи членов декабристского «Общества соединенных славян». Значение этой связи, дающей представление о духовном облике первого учителя Кольцова, трудно переоценить. Кашкин не только способствовал литературному обучению молодого поэта, но и, видимо, поддерживал и даже укреплял в нем настроения неудовлетворенности окружавшей его действительностью.

Разумеется, отчуждение Кольцова от мещанско-торгашеской среды наступило не сразу. Но важно то, что Кольцов рано почувствовал всю мерзость деспотического произвола и своеволия, которые были порождены крепостническими порядками. Кольцову на всю жизнь запомнилась расправа с жившей в их доме крепостной Дуняшей. Он горячо любил эту девушку и собирался жениться на ней, но отец поэта, узнав об этом, воспользовался его отъездом в степь и продал шестнадцатилетнюю Дуню донскому помещику.

Этот случай глубоко потряс поэта, породил в нем жгучую ненависть к порабощению человеческой личности. Еще в раннем стихотворении «Разуверение» («Сквозь тучи черные сияло...», 1828) Кольцов писал:

Исчезнул сон: моим очам,
Моим разрушенным мечтам
Совсем иное показалось...

Ах, где ж искать защиты мне
В неумолимой стороне?

По рассказу Кольцова, записанному Белинским, Дуняша, попав в донские степи, «скоро зачахла и умерла в тоске разлуки и в муках жестокого обращения...» Светлая память о любимой девушке соединяется в душе поэта с невыносимой тоской, которую он позже выразил в своей песне «Утратив то, что прежде было...» (1830).

Теперь с тобой одно свиданье
Какой ценою я б купил;
Я за твое существованье
Земною б жизнью заплатил!

Но нет, вовек не возвратить,
Что было так душой любимо!—

говорит Кольцов, охваченный мрачными и тоскливыми мыслями. Душевные переживания поэта, связанные со смертью Дуняши, нашли отражение и в таких его глубоко лирических стихотворениях, как «Не шуми ты, рожь...» (1834), «Разлука» (1840), «Где вы, дни мои...» (1840), «Звезда» (1841) и другие.

К этому прибавлялось тяжелое положение поэта в семье. Отношения с отцом, да и со всей семьей у Кольцова не складывались. Отец хотел видеть в нем только своего покорного и к тому же бесплатного приказчика, добытчика денег и ходатая по многолетним тяжбам, «рабочую лошадь», как говорил сам Кольцов. Неоднократные просьбы поэта выделить ему из семейного дохода хотя бы небольшую сумму, чтобы он смог жить независимо от семьи, вызывали только ярость отца. Сестры его не понимали ни влечений Кольцова, ни его поэтического дара. К концу жизни поэта, в дни его тяжелой болезни они не только не заботились о нем, но прямо издевались и насмехались над ним.

Семейный деспотизм, мещанская спесь, косность не смогли, однако, сломить Кольцова, так как натура его, по словам Белинского, была «крепка и здорова физически и нравственно... В своем поэтическом призвании увидел он вознаграждение за тяжкое горе своей жизни...»

Влечение Кольцова к писанию стихов еще более усилилось после сближения его с воронежской литературной средой.

В 1829 году Кольцов подружился с воронежским семинаристом Андреем Порфирьевичем Серебрянским (1810—1838) и сблизился с кружком его друзей. В этом кружке, сыгравшем большую роль в жизни Кольцова, занимались обсуждением художественных произведений, литературно-критических статей. Участники его и сами писали статьи и стихи. Впоследствии, рассказывая о своем общении с Серебрянским, Кольцов вспоминал: «Вместе мы с ним росли, вместе читали Шекспира, думали, спорили...».

* * *

Ранние годы творчества Кольцова (1825—1830) явились годами ученичества, временем всяческих заимствований и одновременно настойчивых исканий собственного пути. В этот период Кольцов отдал известную дань чувствительной поэзии сентиментализма, что сказалось и в мотивах, и в форме стихов. Но уже тогда в некоторых кольцовских стихотворениях промелькнуло то новое, что в дальнейшем помогло поэту создать замечательные русские песни.

В этом отношении заслуживает внимания стихотворение «Сирота» (1827), в котором жизненно, правдиво переданы чувства девушки-беднячки:

Не прельщайте, не маните,
Пылкой юности мечты!
Удалитесь, улетите
От бездомной сироты!

Ярким примером творческого развития Кольцова явилась и его «Песня» («Если встречусь с тобой...», 1827). Свежесть и непосредственность горячих человеческих чувств передана в ней с непосредственностью народной песни. Этому соответствует и сама форма стихов, отличающаяся простотой и эмоциональной насыщенностью:

Если встречусь с тобой
Иль увижу тебя,—
Что за трепет, за огонь
Разольется в груди.

Появление в ранней поэзии Кольцова такого произведения, как «Если встречусь с тобой...», в высшей степени примечательно. Оно явно указывает на желание начинающего поэта найти свой, самостоятельный путь. Причем важно отметить, что в этих поисках Кольцов обращается к живой действительности, к устной народной поэзии.

В эту же пору все более глубоким становится его интерес к сочинениям выдающихся писателей. Особенно крепнет у Кольцова любовь к Пушкину. Вспоминая о днях, когда он жадно читал сочинения лучших поэтов, и прежде всего Пушкина, Кольцов в одном из писем к Жуковскому замечал: «Как хорошо тогда мне было. Какою полной жизнью жила моя душа в беспредельном мире красоты и чувства!».

Пушкинское творчество духовно обогащало Кольцова, оказывало воздействие на формирование его эстетических взглядов. Именно Пушкин помог Кольцову определиться как самобытному художнику слова и стать подлинным продолжателем передовых реалистических традиций. В 1828—1830 годах Кольцов пишет «Повесть моей любви», «Люди добрые, скажите», «Песню старика», «Крестьянскую пирушку» и другие стихотворения, в которых слышится еще неокрепший, но уже собственный голос Кольцова.

Годы творческого роста

1831—1836 годы явились годами творческого роста Кольцова. В этот период расширились его и личные и литературные связи.

Еще в 1830 году Кольцов знакомится с одним из видных деятелей русской культуры Николаем Владимировичем Станкевичем, а через год, приехав в Москву, сближается с кругом московской демократически настроенной студенческой молодежи.

Тогда же, видимо, состоялось знакомство Кольцова и с

В Г. Белинским, которое переросло в большую, искреннюю дружбу.

Прасольство, конечно, отрывало Кольцова от литературных занятий. И все же, несмотря на хозяйственные обязанности и заботы, Кольцов много занимается самообразованием, принимает участие в московском журнале «Листок», в «Литературной газете», а позже в прогрессивных изданиях этих лет — «Телескопе» и «Молве».

В эту пору в стихах Кольцова появляются новые темы и образы, и что особенно важно — тема крестьянского труда становится ведущей в его поэзии. Правда, Кольцову пришлось затратить много энергии, чтобы освободиться от влияния псевдонародной книжной песни. Но при всех противоречиях своего идейного и художественного развития Кольцов делает значительный шаг вперед по пути реализма и народности.

В этом смысле особого внимания заслуживают такие стихотворения Кольцова, как «Песня пахаря» (1831), «Урожай» (1835) и «Косарь» (1836), в которых русская природа, трудовая жизнь русского крестьянства нашли свое подлинно поэтическое изображение.

В творчестве Кольцова широко развита и интимная, личная тема. Но если в начале творческого пути Кольцов шел главным образом от книг, то теперь в ряде произведений отзвуки лично пережитого и пережитого мы находим в каждом стихе. Об этом свидетельствует его песня «Ты не пой, соловей...» (1832), где мотивы любви и тоски по любимой получают оригинальное воплощение и достигают большого художественного обобщения. Столь же своеобразна песня «Не шуми ты, рожь...», написанная в 1834 году. Вспоминая о работе над ней, поэт говорил: «В нее-то всю душу свою я вылил!».

И действительно, сколько тоски, грусти, сколько благородства в этой прелестной песне! В трогательном повествовании о смерти горячо любимой девушки вылилось выстраданное, пережитое поэтом. Он сумел выразить в нем высокие и подлинно человеческие чувства во всей их совершенной и нетронутой чистоте. Отсюда и мужественная печаль, окрашивающая стихи, и задушевность, и взволнованность, свойственная народным песням.

Самый размер очень подходит к тому грустному настроению, которым проникнуто стихотворение:

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

Простота художественной формы, народный строй речи придали стихам Кольцова выразительность и музыкальность

и свидетельствовали о его возросшем поэтическом мастерстве.

В 1835 году при посредстве Станкевича и Белинского был издан сборник стихотворений Кольцова, в который вошло восемнадцать стихотворений («Песня старика», «Крестьянская пирушка», «Песня пахаря», «Ты не пой, соловей...», «Нешумы ты, рожь...» и др.).

Передовая русская критика и демократически настроенные читатели горячо приветствовали выход в свет этого сборника. Белинский, подчеркивая, что творчество Кольцова — реалистическое и подлинно народное искусство, заявлял: «По крайней мере до сих пор мы не имели никакого понятия об этом роде народной поэзии, и только Кольцов познакомил нас с ним». Тепло отзывался о Кольцове и Пушкин. В журнале «Современник» (1836) он писал: «Кольцов обратил на себя общее благосклонное внимание...»

В начале 1836 года, приехав в Москву, Кольцов сближается с выдающимися деятелями литературы и искусства, в том числе М. С. Щепкиным и П. С. Мочаловым.

Важно отметить тесную связь Кольцова с литературно-философским кружком Станкевича, связь которая составила заметный этап в творческом пути поэта. Молодые люди, входившие в этот кружок (Белинский, Красов, Петров, Строев, Ключников, Бодянский и другие), в большей своей части принадлежали к той интеллигенции, в среде которой вырабатывалось новое понимание проблем философии и эстетики и в то же время складывалось критическое отношение к социальной действительности того времени.

Центральное место в кружке занимал Белинский. В своих высказываниях по литературным и общественным вопросам он требовал от искусства глубокой правды, активного отношения к современной жизни.

Идейная атмосфера московского кружка хорошо охарактеризована в поэтических строках Кольцова из стихотворения «Поминки» (1840). Вспоминая о горячих беседах, острых, кипучих спорах, которые велись его новыми друзьями, Кольцов писал:

Могучая сила
В душе их кипит;
На бледных ланитах
Румянец горит.

Шумна их беседа,
Разумно идет;
Роскошная младость
Здоровьем цветет...

Сблизившись с Белинским, Станкевичем и их окружением, Кольцов увлекся философскими и эстетическими вопросами. О возросшем интересе к этим вопросам свидетельствуют

письма поэта и такие стихотворения-думы, как, например, «Великое слово», «Неразгаданная истина», «Человек» и др. В думках Кольцова при всей их отвлеченности сказались теоретические искания человека, который к концу своей жизни приходит к выводу о несостоятельности, бесплодности, беспочвенности идеалистического мировоззрения. В последней кольцовой думе «Не время ль нам оставить...» (1841) уже был явно виден, по утверждению Белинского, и «решительный выход» поэта «из туманов мистицизма и крутой поворот» его «к простым созерцаниям здравого рассудка».

* * *

В конце января 1836 года Кольцов приезжает в Петербург и попадает в самую гущу литературной жизни. В течение короткого времени он знакомится с известными писателями — В. Ф. Одоевским и П. А. Вяземским, бывает в домах выдающегося художника А. Г. Венецианова, молодого писателя И. И. Панаева, посещает литературные вечера у профессора П. А. Плетнева и В. А. Жуковского, принимает участие в журнале «Современник», проявляет живой интерес к постановке комедии Гоголя «Ревизор».

Но самым значительным событием для Кольцова явилось знакомство с Пушкиным. По свидетельству современников, услышав от Одоевского и Жуковского о приезде Кольцова в Петербург, Пушкин позвал его к себе. Разные хлопоты по делам отца и стеснительность мешали Кольцову явиться к Пушкину сразу. Наконец, получив вторичное приглашение, Кольцов пришел к нему.

По рассказу Юдина, переданному со слов Кольцова, Пушкин работал в своем кабинете. Едва Кольцов назвал ему свое имя, как Пушкин схватил его за руку и сказал: «Здравствуй, любезный друг! Я давно желал тебя видеть». Кольцов пробыл у него довольно долго и потом был еще несколько раз.

Кольцов, по словам П. В. Анненкова, «был поражен дружелюбной откровенностью приема, оказанного ему Пушкиным». Великий поэт «крепко сжал руку Кольцова в своей руке и заговорил с ним как с давним знакомым».

«С особенным чувством, — писал Белинский впоследствии, — вспоминал он (Кольцов. — В. Т.) всегда о радушном и теплом приеме, который оказал ему тот, кого он с трепетом готовился увидеть, как божество какое-нибудь — Пушкин. Почти со слезами на глазах рассказывал нам Кольцов об этой торжественной в его жизни минуте».

Встречи с Пушкиным, живое общение с Белинским, Станкевичем, великими русскими артистами Щепкиным и Мочаловым имели большое значение для идейно-творческого роста Кольцова.

Последний период творчества. Кольцов и Белинский

1837—1842 годы были временем особенно быстрого идейного и поэтического созревания Кольцова. Уже первая книга (1835) принесла поэту всеобщее признание. Статья Белинского об этом сборнике сразу же раскрыла современникам оригинальность дарования молодого поэта, глубину его духовного мира. Дальнейшие годы дружбы и переписки с Белинским помогли молодому поэту осознать значительность и важность передового литературно-общественного лагеря, возглавляемого Белинским. Под влиянием статей и бесед Белинского он преодолевает религиозно-идеалистические представления, предрассудки, навеянные мещанским окружением, и становится одним из наиболее преданных идейных соратников великого критика.

Приезжая в Москву и в Петербург, Кольцов завязывает тесные отношения с выдающимися русскими учеными и общественными деятелями, в том числе с Т. Н. Грановским и кружком близких ему лиц, посещает литературные и музыкальные вечера. Он пользуется здесь всеобщей любовью и уважением.

А. Я. Панаева в своих воспоминаниях рассказывает: «Между прочими, являлись приехавшие в Петербург — Кольцов, Огарев и другие московские писатели. Белинский находился под впечатлением стихов Кольцова и постоянно читал их наизусть».

Московский и петербургский периоды жизни Кольцова полны ярких театральных впечатлений. Находясь в Петербурге, поэт слушал оперу Глинки «Иван Сусанин», не раз присутствовал на выступлениях знаменитых музыкантов и певцов (Лангера, Пасты, Серве).

Но самым важным событием в жизни Кольцова явилась все более тесная и прочная связь с Белинским. Поэт с присущей ему самоотверженностью и страстью полюбил благородного и чарующего человека, в котором он видел друга, учителя и пророка. Ему поверял он свои самые душевные мечты, радости и печали. В основе этой дружбы-любви лежали общие идейные и творческие устремления. Белинский видел в поэте одно из ярких выражений и воплощений его мечты о подлинно демократической и реалистической литературе. Именно в эти годы критик усиленно исследует народные истоки русской литературы. Революционный демократ, противник крепостничества, Белинский страстно пропагандирует художественный реализм. В его статьях о величайших явлениях русского искусства, о народной русской поэзии стали воплощаться наиболее передовые принципы революционной демократии и материалистической эстетики. Как раз в эти годы новые материалистические и революционные взгля-

ды Белинского складываются в процессе мучительной переоценки идеалистического взгляда на жизнь и искусство. В это трудное, сложное и драматическое время жизни Белинского дружба с Кольцовым приобретает для критика большое значение. Трезвый, проницательный человек, хорошо знающий народную жизнь, ее темные и светлые стороны, Кольцов помогает великому революционному демократу в его поисках новых путей. «Кольцов знал действительность», — многозначительно писал Белинский в одном из писем.

Особенно тесным было общение Кольцова с Белинским во время последнего приезда поэта в Петербург. Живя у Белинского (в октябре—ноябре 1840 года), Кольцов глубоко воспринимал каждое слово своего учителя и друга. В суждениях великого критика с особой остротой и силой выражалась ненависть к деспотизму и социальной несправедливости, его страстный протест против политического бесправия, его горячая любовь к угнетенному народу.

Именно этим следует объяснить большую дружбу поэта и критика, несомненно опирающуюся на известную близость их литературно-общественных интересов. Недаром Белинский так любил беседовать с Кольцовым. Встречи с «любезным» ему поэтом он всегда ждал, как «светлого праздника». «Когда приехал Кольцов, — писал великий критик, — я всех тех (т. е. своих петербургских знакомых. — В. Т.) забыл, как будто их и не было на свете. Я точно очутился в обществе нескольких чудеснейших людей...».

В письме к Боткину от 25 октября 1840 года Белинский сообщал: «Кольцов живет у меня... я ожил немножко от его присутствия. Экая богатая и благородная натура!».

Во время жизни у Белинского Кольцов особенно почувствовал привязанность к своему учителю и другу. «Расстаться с вами прежде было делом обыкновенным; теперь не так, — писал поэт Белинскому. — А как долго не мог привыкнуть, что уехал: еду, в Москве, — и вас со мною нет!»

Чем лучше Кольцов узнавал Белинского, тем сильнее осознавал, как дорог ему и всей мыслящей России этот великий человек. «Не шутя и не льстя говорю вам, давно я вас люблю, давно читаю ваши мнения, читаю и учу, — писал Кольцов Белинскому в 1840 году, — но теперь читаю их больше и больше, и учу их легче и понимаю лучше... Я не знаю, кто бы не убедился этими истинами, кому бы они не пришлись по душе. Апостол вы, а ваша речь — высокая, святая речь убеждения».

В каждой статье великого критика поэт видел боевой манифест новой эстетики, нового понимания общественной жизни. «И какой светлый ум у этого человека! — говорил Кольцов о Белинском. — Какое горячее, благородное сердце!».

Во взглядах Белинского Кольцов нашел идейную и эсте-

тическую основу для своего творческого развития, для создания произведений, проникнутых силой духа русского народа, раскрывающих глубокое свободолобие и мечту о лучшей жизни угнетенных масс.

* * *

В 1837—1842 годах в духовном развитии Кольцова обнаруживаются свои особенные и весьма примечательные черты.

Правда, прямых документально-биографических данных, характеризующих поэта со всем богатством присущих ему духовных интересов и растущих запросов, сохранилось немного. И все же его письма — свидетельство напряженной интеллектуальной работы Кольцова. Один обзор прочитанных им в эти годы книг и статей замечателен по широте его осведомленности в русской критике, публицистике и художественной литературе тех лет.

И чем больше Кольцов читал, тем все лучше и лучше осознавал, что одним из важнейших условий развития поэтического дарования является знание, наука, неустанная работа над повышением художественного мастерства. «Прежде я-таки — грешный человек! — признавался поэт, — думал о себе и то и то, а теперь кровь как угомонилась, так и осталось одно желание в душе: учиться...».

Это глубоко интимное признание Кольцова самому близкому и дорогому другу — Белинскому было вызвано поистине страстным желанием поэта восполнить недостатки своего образования. Кольцов жалел, что ему негде изучать живопись и скульптуру, негде «слушать хорошую музыку».

Хорошо знавшие Кольцова передают, что поэт никогда не был удовлетворен «в своих исканиях и порывах». Стремясь к знанию, он «хотел все обнять», увлекался философией, историей, литературой и искусством. «Когда он читал какое-нибудь великое поэтическое произведение, то часто приходил в восторженное состояние... Музыка производила на него глубокое впечатление» (А. Юдин).

Для занятий своих Кольцов имел небольшой флигель, в котором часто запирался по неделям. Здесь имелись сочинения Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя, Байрона, Шекспира, Гете. И здесь же находились собрания пословиц и песен, учебные пособия, альманахи, журналы, стихи местных поэтов и тетради с выписками из книг и статей. Почти не было ни одного журнала, альманаха или литературного сборника, который не заинтересовал бы его и о котором бы он не отозвался. Поэт защищает «Отечественные записки», резко высказывается против таких консервативных журналов, как «Москвитянин» или «Маяк современного просвещения и образованности», высмеивает реакционных критиков и журналистов — Булгарина, Бурачка, Сенковского и других.

По мнению Кольцова, только та литература истинно народная, которая способствует движению вперед, помогает обновлению жизни. Утверждая общественное значение литературы, он писал: «Великое дело — пахать большую ниву для пользы человека!».

Во всем этом отчетливо оказалась общественно-литературная позиция Кольцова, теснейшая связь поэта с современными ему передовыми течениями литературы.

Когда в 1837 году погиб Пушкин, Кольцов, выражая мысли многих тысяч и тысяч русских людей, писал: «Александр Сергеевич Пушкин помер; у нас его уже более нету!... Едва взшло русское солнце... едва огласилась могучая Русь стройной гармонией райских звуков; едва раздался волшебные песни родимого барда, соловья-пророка...

Прострелено солнце. Лицо помрачилось... Кровь, хлынув потоком, дымила долго, наполняя воздух святым вдохновением недожитой жизни!»

И каким замечательным откликом на смерть великого поэта стало стихотворение Кольцова «Лес», в котором утверждалось национальное величие Пушкина, его свободолюбие, его беспримерная творческая мощь.

По силе протеста против николаевской реакции и по своему поэтическому звучанию стихотворение «Лес» может быть смело поставлено рядом с такими обличительными произведениями русской литературы, как гениальное лермонтовское «Смерть поэта» или «На смерть поэта» Огарева. По образному выражению Кольцова, в страшные годы «безвременья», в дни «осени черной» в «ночь безмолвную» Пушкин не сдался, не смирился. Сохраняя «речь высокую» и «силу гордую», он до конца своих дней отстаивал свободу личности, свободу и смелость мысли и жизнью заплатил за свои передовые убеждения:

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная...

Любимым поэтом Кольцова был и Лермонтов. Высоко оценивая содержательность и идейную глубину лермонтовских образов, Кольцов принял участие в той борьбе, которая шла вокруг творчества Лермонтова. Не случайно представители реакционной критики включали обоих поэтов в число главных **лиц**, составляющих «партию» «Отечественных записок».

Весть о трагической гибели Лермонтова произвела на Кольцова **тяжкое** впечатление. «Лермонтова убили до смерти, — писал Кольцов Белинскому 23 октября 1841 года, — это старая новость; но она меня так сильно поразила, что до сей поры не выходит из думы. И жаль и досадно; только что пока-

жется, хорошо не успеешь полюбить, — как его и нет. Много в нем потеряли, незаменимая потеря!».

Вопрос о связи писателя с народной жизнью в понимании Кольцова был важнейшим вопросом для литературы. Именно поэтому вслед за Белинским он восхищался творчеством Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова и сдержанно оценивал поэзию Жуковского, в произведениях которого он теперь видел «недостаток оригинальной силы» и отсутствие самобытности. Отсюда же и осуждение Кольцовым «ложного, неестественного искусства», представленного именами Марлинского, Кукольника, Бенедиктова.

Напряженные духовные искания Кольцова, усвоение идей великого революционного демократа Белинского обострили его интерес к народному поэтическому творчеству. В этом отношении заслуживает пристального внимания поистине выдающаяся деятельность Кольцова-фольклориста. Кольцов с увлечением собирает лирические песни, сказки, пословицы и поговорки, ставшие для него живым источником чувств, мыслей и настроений народа.

В последнее время литература о собирательской деятельности Кольцова обогатилась ценными материалами. В 1958 году в архиве видного фольклориста первой половины XIX века П. В. Киреевского обнаружено пять тетрадей с текстами записанных Кольцовым шестидесяти народных песен. Характер отбора песен свидетельствует о глубоком и демократическом понимании поэтом особенностей русского народного творчества, образной и выразительной народно-песенной речи. К сожалению, эти сборники произведений народной поэзии Кольцову опубликовать не удалось.

* * *

Письма последних лет жизни Кольцова снова и снова убеждают нас в том, как тяжело жилось ему, как одиноко чувствовал он себя в той мещанской среде, с которой, по своему социальному положению и связям, не мог не соприкасаться.

В письме своему другу В. П. Боткину он писал в феврале 1842 года:

«Отец, несмотря ни на что, мучить меня не переставал и очень равнодушно сказал мне, что если я умру, он будет рад, а если буду жить, то он предуведомляет меня вперед, чтобы я ничего не ждал и не надеялся; что он дома и ничего мне никогда не предоставит; что если не успеет при жизни прожить, то сожжет. И это говорил он тогда, когда я ни слова ему ни о чем подобном не сказал и ничего от него не требовал. Мать моя простая, но добрая женщина; хотела мне помогать, но я отклонил и поддерживал себя займом... За сестру

сватаются. Завязалась свадьба, все начало ходить, бегать через мою комнату; полы моют то и дело, а сырость для меня убийственна. Трубки благовония курят каждый день; для моих расстроенных легких все это плохо. У меня опять образовалось воспаление, сначала в правом боку, потом в левом противу сердца, довольно опасное и мучительное. И здесь-то я струсил не на шутку... А в эту же пору у нас вечеринки каждый день, — шум, крики, беготня; двери до полночи в моей комнате минуты не стоят на петлях. Прошу не курить — курят больше; прошу не благовонить — больше; прошу не мыть полов — моют...»

Поэту пришлось заплатить дорогой ценой — ценой мучительной болезни и преждевременной смерти за свои взгляды, за стремление порвать с мещанским окружением, за борьбу с ним. В 1840 году Кольцов писал в стихотворении «Расчет с жизнью»:

В душе страсти огонь
Разгорался не раз.
Но в бесплодной тоске
Он сгорел и погас...

Только тешилась мной
Злая ведьма — судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба...

Да румянец лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на нем
Ядом слез провела.

«Ужасный, скорбный удел, — заявил Герцен, — уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; будь то поэт, гражданин, мыслитель — всех их толкает в могилу неумолимый рок... Погибают даже те, которых пощадило правительство, — едва успев расцвести... Кольцов убит своей семьей, тридцати трех лет». И не случайно такой глубокой тоской прозвучало одно из последних писем поэта Белинскому: «Ну, теперь, милые мои пришло сказать: «прощайте»; надолго ли, не знаю; но как-то это слово горько отозвалось в моей душе, но еще: «прощайте», и в третий раз: «прощайте!». «Мне тут (т. е. в своей семье. — В. Т.) тяжело, — говорил Кольцов, — нет человека, который бы мог подарить хоть... одной светлой мыслью... Здесь пустыня... Они смотрят на меня как на потерянного человека... оттого, что я не приношу им волны и сала...» «Тяжело живет на свете... — говорил он своему знакомому Н. С. Салтанову, — одно утешение мне в жизни — книги...». Особенно ощутил свое одиночество, нестерпимость жизни в чужой и враждебной среде Кольцов после поездки

в Петербург и Москву (сентябрь 1840—февраль 1841 года). Невыносима для него оторванность от близких ему людей, от дорогого Белинского, с которым поэт неразлучно проводил все дни в бытность свою в Петербурге. По возвращении в Воронеж из этой оживившей его поездки Кольцовым овладела одна мысль — устранить дела и как можно скорее переселиться в Петербург. Но ей не суждено уже было осуществиться. Болезнь окончательно подорвала силы поэта. «Ваше письмо благодатью повеяло на меня, в нем столько любви, участия, внимания, теплоты, души, искренности, — писал Кольцов Белинскому и Боткину в мае 1842 года, — читая его, так и рвешься к вам душою, милые мои, да крыльев нет».

Во время болезни родные Кольцова стали еще более грубы и жестоки с ним. Враждебные чувства к Кольцову питали также и местные чиновники и купцы. Они видели в Кольцове пропагандиста «крайних идей», т. е. революционных идей Белинского, которые являлись, по их мнению, «отрицанием всех основ русской жизни», а по существу основ крепостнического общества.

Белинскому были больше, чем кому-либо из современников, понятны и страстное желание поэта вырваться из среды мещан-торгашей, и его духовные стремления. «Бедный Кольцов, как глубоко страдает он... — сообщал Белинский в письме к Боткину. — Все благородное страдает — одни скоты блаженствуют». И в другом письме: «О Кольцове нечего и толковать. Я писал к нему, чтобы он все бросил и, спасая душу, ехал в Питер... Богаты не будем, сыты будем... За счастье почту делиться с ним всем».

Но болезнь, вопреки горячей жажде жизни, с каждым днем подтачивала здоровье Кольцова. «Писать — ничего не пишу, не в состоянии... — признавался он в письме к Боткину в 1842 году. — Читать — мало читаю, не могу: слаб, и памяти нет. Если читаю два часа, то делаюсь, как лед... Извините меня, что я не пишу вам ничего о литературе, которую и большой люблю душою».

В сентябре Кольцов слег и уже больше не вставал. О последних днях жизни поэта современники рассказывают, что он, приходя в сознание, рвался к Белинскому и говорил о своем желании учиться и что даже перед самой смертью его мучила неосуществленная мечта — «сделаться проповедником новых идей».

Кольцов умер 29 октября 1842 года от чахотки.

С большим чувством скорби воспринял Белинский потерю любимого им поэта, неизменного соратника в их общей борьбе за развитие и укрепление «поэзии реальной, поэзии жизни, поэзии действительности».

«Смерть Кольцова тебя поразила, — писал он Боткину в декабре 1842 года. — Что делать? На меня такие вещи иначе

действуют: я похож на солдата в разгаре битвы, — пал друг и брат...».

В своей статье, посвященной Кольцову (1842), великий критик писал: «Еще смерть, еще утрата — еще не стало одного примечательного человека в русской литературе и русском обществе, которые по справедливости могли гордиться им».

Кольцов — выдающийся народный поэт

В творчестве Кольцова с наибольшей силой сказалась его органическая связь с трудовой крестьянской жизнью и передовыми идеями его времени. Наивысшей зрелости и высоты достигают в 1837—1842 годах кольцовские песни, которые явились новой ступенью в развитии таланта поэта.

Усилившееся стремление Кольцова к раскрытию существенных сторон народной жизни было тесно связано с успехами русской реалистической литературы.

Как известно, ведущее место в литературе тех лет занимали преемники Пушкина — Лермонтов и Гоголь, углубившие принципы верного отображения действительности. Передовая русская критика, возглавленная Белинским, становится проводником передовой демократической и гуманистической общественно-политической мысли и утвердившегося в искусстве реализма.

Находясь в первом ряду поэтов-демократов, Кольцов достиг в своих произведениях не только большого проникновения во внутренний мир людей труда, но сумел воспроизвести тяжелые экономические и социальные условия их жизни и вместе с тем показать пробуждение самосознания народа. От стихотворений Кольцова «Горькая доля», «Ах, зачем меня...», «Не на радость, не на счастье...», «Что ты спишь, мужичок?», «Доля бедняка», «Дума сокола», «В непогоду ветер...» и многих других прямой путь к демократической поэзии 50—60-х годов.

Но необходимо отметить, что творчеству Кольцова все же не была свойственна та политическая острота, которую мы ясно ощущаем в произведениях Пушкина и Лермонтова.

И хотя в его песнях и думах жизнь крестьянства нашла свое в высшей степени поэтическое воплощение, Добролюбов, высоко оценивавший «силу души, светлый ум и чистое благородство стремлений» поэта, справедливо указывал, что народ в его произведениях дан «в уединении от общих интересов, только со своими частными житейскими нуждами». Этим объясняется некоторая односторонность изображения в поэзии Кольцова социально-экономических условий жизни народа.

Но, разумеется, творчество Кольцова справедливо выдвигалось Белинским на одно из видных мест в литературе тех

лет. «Отечественные записки» действительно «убеждены, — отвечал Белинский «Сыну отечества», — что после имени Лермонтова самое блестящее поэтическое имя современной русской поэзии есть имя Кольцова, который написал не несколько очень милых пьесок и песенок, как выражается «Сын отечества», а до пятидесяти песен и дум, вылетевших из глубины могучей русской души и отличающихся оригинальностью, глубиной творческих мыслей и художественной формой».

Нужно было действительно хорошо знать повседневную жизнь русских крестьян, чтобы с таким художественным мастерством дать неподражаемые картины сельского труда. К этому следует добавить, что в отличие от представителей сентиментальной, чувствительной лирики, изображавших лишь внешние стороны крестьянской жизни, Кольцов воспел, прославил труд как силу, облагораживающую, воспитывающую человека. И это сразу же определило ту оригинальность, ту самобытность, которые присущи таким стихотворениям Кольцова, как «Песня пахаря», «Урожай», «Косарь» и др. Каждое из них представляет собой замечательный образец творческого освоения народной поэзии. Вспомните, какими простыми и вместе с тем волнующими словами, почерпнутыми из богатого словаря народной песенной речи, передает Кольцов задуманное обращение косаря к родной степи:

Ах, ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косой острою...

Косарь — подлинно русский человек с присущими ему глубиной и цельностью истинного чувства. Причем важнее всего то, что эту широкую благородную и поэтическую натуру косаря, его нравственную силу определяет творческий труд. Основой поэзии становится удивительная радость труда, сила покорителя природы. Косарь радует нас непревзойденным трудолюбием, силой, ловкостью, физической красотой:

Что работаю —
Все мне спорится!..

В каждой строчке стихотворения «Косарь» мы чувствуем буйное нарастание трудовой мощи, ищущей простора, воли, чтобы полностью раскрыть себя:

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!

Наряду с поэтическим изображением крестьянских работ, Кольцов, вопреки мнению некоторых литературоведов, не забывает о тяжелых социальных условиях жизни деревенской бедноты. Подчеркивая весь трагизм подневольного труда, поэт устами крестьянина повествует:

С той поры я с горем-нуждою
По чужим углам скитаюсь,
За дневной кусок работаю,
Кровным потом умываюсь...
(«Деревенская беда»)

Кольцовский труженик-крестьянин чувствует всю несправедливость существования, выпавшего на долю простого человека. Для примера достаточно привести хотя бы следующие строки из стихотворения «Раздумье селянина»:

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту, как раз,
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Образ крестьянина, глубоко чувствовавшего свою нищету, свое бесправное положение, особенно сильно очерчен Кольцовым в песне «Доля бедняка».

Тщательно отбирая изобразительные средства, Кольцов находит точные слова, сильные (в смысле передачи определенного психологического состояния) сравнения, определения, родственные самому духу народного песенного творчества. Вот, например, как просто и вместе с тем совершенно по-новому передается Кольцовым острота переживаний бедняка:

Речи вольные —
Все как связаны;
Чувства жаркие
Мрут без отзыва...

С тем же правдивым изображением крестьянской бедноты мы встречаемся и в таких произведениях Кольцова, как «Горькая доля» (1837), «Вторая песня Лихача Кудрявича» (1837), «Товаришу» (1838), «Что ты спишь, мужичок?» (1839), «Перепутье» (1840) и др. В каждом из них звучат мотивы протеста против социальной несправедливости, горячее сочувствие горькой доле бедняка. Глубокой жизненной правдой дышит признание разорившегося крестьянина:

К старикам на сходку
Выйти приневолят:
Старые лаптишки
Без онуч обуешь;

Кафтанишка рваный
На плечи натянешь;

Тихомолком станешь
За чужие плечи...

(«Вторая песня Лихача Кудрявича»)

Социальная тема обусловила введение в поэзию Кольцовым обыденных, а для эстетов того времени — даже «низких» слов: «старые лаптишки», «онучи», «кафтанишка рваный». Живой, яркий, меткий и сочный язык нашего народа — вот главный источник поэтической речи Кольцова. Поэтому так хорошо чувствуется в его стихах афористичность поэтических формулировок:

Век прожить — не поле
Пройти за сохою...

Зла беда — не буря —
Горами качает...

(«Вторая песня Лихача Кудрявича»)

Удивительного единства жизненного содержания и словесной формы достигает Кольцов и в широко известной песне «Горькая доля».

В этом стихотворении нашло выражение осознание трудным человеком своих прав на счастье, на «талан-долю», на свободную жизнь. Это один из удальцов — излюбленных героев поэта. Герой Кольцова — противник покорности и унижения. Являясь олицетворением существующих черт русского национального характера, он терпелив, стоек в беде и несчастье, ему, по словам Белинского, свойственно не расплываться в грусти, не падать под ее томительным бременем, так как эта грусть — «грусть души крепкой, мощной, несокрушимой»:

И чтоб с горем, в пиру,
Быть с веселым лицом;
На погибель идти —
Песни петь соловьем!

(«Путь»)

О той же стойкости русского человека говорит нам песня Кольцова «Измена суженой». Самые тяжелые обстоятельства жизни не могут сломить волю бедняка. Он смело идет навстречу любым невзгодам:

Горе мыкать, жизнью тешиться,
С злою долей переведаться...

Бодростью, жизнелюбием, уверенностью в своих силах и способностях проникнута «Первая песня Лихача Кудрявича».

Перед нами образ воплощенного в народной мечте вольного человека, наделенного талантом, красотой, человеком, которому по силе любой труд. Мастерство поэта чувствуется во всем: и в отборе изобразительных средств, и в высокопоэтической простоте, и в певучести повествовательной речи. Особенно обращают на себя внимание сравнения, взятые из мира природы, которые опять-таки свидетельствуют о специфической особенности художественной манеры Кольцова, которая не только отличала его от современных ему поэтов, но и делала подлинным творцом русской народной песни.

Не родись богатым,
А родись кудрявым;
По щучью велению
Все тебе готово.

Большинство стихов «Песни» получают форму афоризмов:

С радости-веселья
Хмелем кудри вьются;
Не под шапку горе
Голове кудрявой!..

Следуя за приемами народной поэзии, Кольцов часто употребляет близкие по значению, но разные по форме слова («с радости-веселья») и сравнения («хмелем кудри вьются»).

В песне «В непогоду ветер...» Кольцов воспеваеет жизнь, стойкость, внутреннюю бодрость, любовь к жизни простых людей. Поэт был уверен, что их лучшая доля только «до поры, до время... камнем в воду пала».

Выражая стремление народных масс к светлой доле, он призывал:

Поднимись — что силы,
Размахни крылами:
Может, наша радость
Живет за горами.

Горячее стремление к воле Кольцов вкладывает и в песню «Дума сокола», связанную с образом, близким и понятным народу (в народных песнях сокол — символ удалого молодца). Разрабатывая часто встречающийся в устной поэзии художественный образ вольнолюбивой птицы, Кольцов сумел придать ему новое социальное звучание:

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Все заказаны?

Жаждой счастья проникнуты и начальные стихи кольцовой песни «Так и рвется душа...». В них и неудовлетворен-

ность социальной действительностью и стремление вырваться на широкий простор вольной жизни:

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!

Скрытая тоска по воле выражена и в песне «Много есть у меня...», отнесенной Белинским к числу лучших произведений Кольцова.

В поэтических творениях Кольцова глубоко раскрыт внутренний мир простой русской женщины, правдиво передана трудная беспросветная женская доля в патриархальной семье. При этом особенно важно подчеркнуть, что, говоря о чувствах и мыслях, переживаемых крестьянской женщиной, Кольцов поднял свой голос против тяжелого семейного гнета. Реалистический показ семейных отношений определил собой и художественные особенности кольцовских песен, их тесную связь с народным поэтическим творчеством, в частности, с семейно-бытовой народной лирикой. Создавая образы русских женщин, Кольцов творчески использовал то, что было ему близким в народной поэзии. Кольцовская героиня не мирится с теми отсталыми моральными представлениями, которые были порождены всей системой крепостнического строя. Традиционному изречению «поживется — слюбится» она дает свою оценку:

Хорошо, состарившись,
Рассуждать, советовать
И с собою молодость
Без расчета сравнивать!
(«Без ума, без разума...»)

Простыми и вместе с тем волнующими словами, почерпнутыми из богатого словаря народной песенной речи, передает Кольцов задушевные мысли крестьянки в песне «Ах, зачем меня...». В ней, по образному выражению Белинского, слышатся «грустное воркование горлицы, глубокая, раздирающая душу, жалоба нежной женской души, осужденной на безвыходное страдание...». Вот ее начальные строки:

Ах, зачем меня
Силой выдали
За немилова —
Мужа старова?

В заключительных стихах этого произведения говорится, что без взаимной любви не может быть счастья:

Не расти траве
После осени:
Не цвести цветам
Зимой по снегу!

Выражая высокие идеалы народной морали, Кольцов резко осуждает домостроевский уклад жизни, при котором женщина была лишена всяких прав на взаимное чувство. Жажда любви, независимости, воли ярко проявилась в песне «Бегство». Как и в других своих лучших стихах, поэту удалось здесь выразить стремление к свободе человеческой личности.

Гуманизм и демократический пафос поэзии Кольцова сказался и в его понимании любви — как самого свободного и самого высокого чувства.

Только с ним лишь одним
Я на свете жила:
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!
(«Я любила его...»)

С той же выразительностью говорит Кольцов о силе глубокого чувства и в песне «Не скажу никому...». Перед поэтом возникает волнующий образ человека, захваченного воспоминаниями о невозвратных днях любви. Отсюда взволнованность, задушевность стихов, «энергия лиризма», о которой Чернышевский говорил как о главной черте поэзии Кольцова:

Та весна далеко,
Те завяли цветы,
Из которых я с ним
Завивала венки!

Изображение в кольцовских песнях молодости, силы, красоты и душевного величия трудящихся людей как бы еще сильнее подчеркивает их право на счастье и радость. И тем ярче выступает трагизм их судьбы. Достаточно перечитать кольцовскую песню «Не на радость, не на счастье...», чтобы почувствовать всю безысходность положения бедняка, любившего такую же «безродную», как и он сам. В отличие от многих поэтов-песенников того времени, описывавших идиллическое счастье «сельских поселян», Кольцов сумел раскрыть всю драматичность и тяжесть существования бедняка-горемыки, не имеющего даже своего угла.

Знание народа, его нужд и страданий, его чаяний и исканий помогло Кольцову избежать той фальшивой чувствительности, которая была свойственна поэтам-сентименталистам. Перед нами — не выдуманные пастухи и пастушки, а подлинные живые люди с их страстным стремлением к разумной и счастливой жизни, к свободному труду. Бесправный и забытый бедняк, герой песен Кольцова, полюбив, прежде всего думает о том, «как свою казну трудом нажить». Здесь все жизненно, правдиво. И тем горестнее его судьба в обществе, где труд не дает ни счастья, ни свободы. Поэтому так скорбны слова поэта, когда он от имени этого труженика говорит:

Не на радость, не на счастье,
Знать, с тобой мы, друг мой, встретились;
Знать, на горе горемышное
Так сжились мы, так слюбилися.

(«Русская песня»)

В песне «Разлука» Кольцову удалось раскрыть во всей полноте человеческие переживания. Поэт сумел найти такие слова, которые психологически верно воспроизводят душевную тревогу навсегда разлучаемых людей:

Вмиг огнем лицо все вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося,—
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задуть грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

Эмоциональная напряженность этих стихов проявляется и в прерывистой речи («Не ходи, постой! дай время мне...»), и в недосказанности слов («На тебя, на ясна сокола...»), и в умении поэта кратко, одной лишь фразой передать душившее девушку волнение («Занялся дух — слово замерло...»).

Удивительно красивое, нежное и светлое человеческое чувство воспето в стихах Кольцова. Его герои любят от всего сердца. Большая взаимная любовь укрепляет в них силы для борьбы с суровой нуждой и бедностью. В стихотворении «Дуют ветры...» поэт говорит:

В эту пору,
Непогожую,
Одному жить —
Сердцу холодно.

Грудь другую
Ему надобно:
Огонь-душу —
Красну-девицу!

Необходимо отметить, что настоящую, совершенную любовь Кольцов находит не в ограниченном кругу угнетателей народа, а среди простого трудового люда.

В песнях «Где вы, дни мои...», «Расступитесь, леса темные...» и других поэт выразил огромную силу любви, глубокие душевные переживания, горе и радости простых людей.

Нельзя не вспомнить при этом и такую хорошо известную песню, как «Грусть девушки», в которой тревожное чувство любви, повседневный крестьянский труд и окружающая природа даны поэтом в неразрывном единстве. Значительным является также стихотворение «Последний поцелуй». Кольцов с большой поэтической силой и чистотой воплощает здесь чувство горячий, страстной любви:

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз, поскорей,
Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?
Не тоскуй, не горюй
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...

Музыкальная и смысловая выразительность стихов, глубокая эмоциональность делает эти стихи одним из лучших образцов его любовной лирики.

Любовная лирика Кольцова, утверждающая силу и свободу человеческого чувства, явилась, несомненно, новым словом в русской поэзии тех лет, отражением нового отношения к жизни и не случайно его стихи для Белинского были выражением внутренней жизни не только крестьянина, но и передового человека начала 40-х годов XIX столетия. Воспевая физическую и духовную красоту человека из народа, красоту, поруганную и оскорбленную в крепостническом обществе, Кольцов смог тем самым стать подлинным выразителем освободительных идей своего времени.

* * *

По мысли Белинского, Кольцов замечателен тем, что, будучи «большим талантом, вооруженным самобытной мыслию, горячим сочувствием к жизни, способностью понимать ее...», он опирался «на прочное основание — на натуру своего народа». Поэтому так велико значение Кольцова для всей последующей русской демократической поэзии. Темы, образы и художественные принципы, внесенные им в русскую поэзию, нашли дальнейшее развитие в творчестве Некрасова, Никитина, Сурикова, Дрожжина.

Высоко ценили Кольцова Писарев, Глеб Успенский, Салтыков-Щедрин, Чехов, Плеханов. Его неустанно пропагандировали Белинский и Добролюбов.

Великий русский революционный демократ Н. Г. Чернышевский считал Кольцова большим и своеобразным талантом, писателем, который прочно связал свое имя с передовой отечественной литературой. В статье, написанной в связи с выходом в свет второго посмертного издания стихотворений Кольцова, Чернышевский заключал: «Вообще, скажем мы, по энергии лиризма с Кольцовым из наших поэтов равняется только Лермонтов; по совершенной самобытности Кольцов может быть сравнен только с Гоголем».

Поэтом самобытным и народным в самом подлинном и глубоком значении этого слова считал Кольцова и Н. А. Доб-

ролюбов. Революционно-демократический критик писал, что Кольцов первый стал изображать в своих песнях «настоящую жизнь наших простолюдинов», что в его стихах «увидели мы чисто русского человека, с русской душой, с русскими чувствами, коротко знакомого с бытом народа, человека, жившего его жизнью и имевшего к ней полное сочувствие».

Кольцов и его творчество привлекали внимание Герцена и Огарева. Имя Кольцова было популярно среди участников существовавшего в 1845—1849 годах в Петербурге революционного общества М. В. Петрашевского. Так, например, поэт-петрашевец А. П. Баласогло, отстаивая величие и самостоятельность прогрессивной русской культуры, писал: «В России есть и должно быть все... В ней-то и должны быть люди... И они были, начиная с Петра, до второго русского Ломоносова, поэта-философа, прасола Кольцова, умершего в цвете лет на наших глазах».

Народный характер кольцовских стихотворений был в первую очередь и оценен простыми русскими людьми. Еще Некрасов, упоминая имя Кольцова в ряду таких поэтов, как Пушкин, Лермонтов и Крылов, утверждал, что «нет человека на Руси, сколько-нибудь читающего, который не знал бы их». «Кольцов,— отмечал И. С. Тургенев,— был истинным народным поэтом — настоящим поэтом своего времени... У Кольцова есть штук двадцать маленьких поэм, которые будут жить, пока жив русский язык». А Л. Н. Толстой в своем дневнике 26 августа 1857 года записал: «Читал Кольцова. Прелесть и сила необъятная». По словам Толстого, Кольцов был самым любимым поэтом у детей Яснополянской школы. О той же горячей любви к Кольцову рассказал в автобиографической «Повести о детстве» и советский писатель Ф. В. Гладков. Страницы, посвященные в этой книге стихам Кольцова, позволяют хорошо почувствовать подлинную народность его задушевной и простой поэзии.

В творчестве Кольцова привлекает и другая сильная сторона — его поэтическое своеобразие, или, другими словами, его художественная индивидуальность, которая была оценена еще Белинским.

Песенные традиции Кольцова живо ощущаются и в произведениях советских поэтов — Есенина, Исаковского, Суркова, Твардовского, Прокофьева и других.

Кольцов дорог советской поэзии активным утверждением красоты народного трудового начала, жизненностью и типичностью созданных им образов, художественной выразительностью, песенностью, музыкальностью стиха. Он прочно вошел в русскую литературу. Его сочинения выдержали более 200 изданий общим тиражом до 3 400 000 экземпляров. Обращаясь непосредственно к народной жизни, Кольцов писал не

только о народе, но и для народа. Стихи и песни поэта близки и понятны самому широкому кругу читателей.

Поэзия Кольцова известна и братским народам Советской страны. Его стихотворения переведены на украинский, белорусский, грузинский, азербайджанский, латышский, татарский, чувашский, аварский, адыгейский и многие другие языки народов СССР.

Своими творческими принципами с Кольцовым сближаются великий украинский поэт Т. Г. Шевченко и народные поэты Белоруссии — Янка Купала и Якуб Колас. Кольцовские стихи оказали плодотворное влияние на выдающегося татарского поэта Габдуллу Тукая и основоположника и классика чувашской литературы К. В. Иванова. А вот признание революционного поэта латышского народа Яна Райниса: «Рано заинтересовала меня русская литература, особенно старинные былины, Илья Муромец и народный поэт Кольцов...».

Произведения Кольцова неоднократно переводились на болгарский, чешский, словацкий, польский, румынский, венгерский, немецкий, французский, английский, итальянский, греческий, шведский и другие языки зарубежных стран. Особенно большой известностью они пользовались и пользуются среди славянских народов. Кольцову уделили большое внимание такие выдающиеся писатели, ученые, музыкальные и общественные деятели, как чешские поэты Челаковский, Коллар, Ладислав Квис, польский композитор Монюшко и другие. Стихотворения Кольцова оказали известное влияние на болгарских поэтов Цанко Бакалова-Церковского, П. Славейкова и чешского поэта Хладка. С большим уважением относился к Кольцову и чешский поэт XIX века Святоплук Чех. В своих стихах, говоря о России, он прежде всего назвал имена Пушкина, Гоголя, Кольцова.

Кольцов близок славянским народам своим гуманистическим пафосом, близостью к простому человеку, страстной взволнованностью за его судьбу. По мнению чехословацкого ученого Юлиуса Доланского, нарисованные Кольцовым «реалистические картины крестьянской работы» принадлежат «к сокровищам русской реалистической поэзии»: Кольцова, как подлинно народного поэта России, называет болгарский ученый Симеон Русакиев.

Горячую народную любовь заслужили стихотворения Кольцова в Германии, Франции и Англии. Еще в XIX веке в радикальном французском журнале «Независимое обозрение» (1847) писали, что «со времен Пушкина и Лермонтова стихотворения Кольцова, несомненно, являются наивысшим проявлением русского поэтического гения». В качестве примера укажем и на работы известных английских литературоведов Морфиля и Ральстона, которые полагали, что Кольцова можно считать «самым национальным из всех русских поэтов».

О Кольцове, как действительно народном художнике слова, говорили также немецкие литературоведы Фидлер и Михельсон. «Не подлежит сомнению,— заключал Михельсон,— что Кольцов — народный и превосходный поэт России».

В наше время интерес к Кольцову у зарубежных читателей еще более возрос. Так, только в одной Англии стихотворения Кольцова были помещены в сборниках «Сокровища русской поэзии» (1943), «Книга русских стихов» (1943), «Русские поэты» (1944). В Чехословакии (1949 и 1952), Румынии (1953) и других странах издавались отдельные сборники сочинений Кольцова.

«Придет время,— писал Белинский,— когда песни Кольцова пройдут в народ и будут петься на всем пространстве беспредельной Руси...». Предсказание это сбылось.

К произведениям Кольцова написали музыку многие композиторы прошлого века. Широко известны и часто исполняются романсы М. А. Балакирева на тексты Кольцова: «Мне ли молодцу...», «Так и рвется душа...», «Песня разбойника», «Обойми, поцелуй...», «Я любила его...» и др., М. П. Мусоргского — «Веселый час», «По-над Доном сад цветет».

На слова стихотворения «Соловей» («Пленившись розой, соловей...») написали музыку А. К. Глазунов, Н. А. Римский-Корсаков, А. Рубинштейн. Римский-Корсаков написал также музыку к песне «О гори, лампада, ярче», Рубинштейн — к стихотворению «Перстенок золотой», С. Рахманинов — «Я за тепло свечу».

На слова Кольцова писали музыку и наши современники. Композитор Р. М. Глиэр написал музыку к стихотворению «Дуют ветры, ветры буйные», В. И. Ипполитов-Иванов — к стихотворениям «Доля бедняка», «Раздумье селянина», В. А. Золотарев — к широко известным произведениям «Что ты спишь, мужичок?», «Так и рвется душа». Мы не назвали и десятой доли произведений Кольцова, переложенных на музыку, и многих композиторов, создававших музыку к его творениям. Всего на слова поэта создано около семисот романсов и песен, написанных более чем тремястами композиторами.

Песни эти широко бытуют в народе нашей страны. Многие творения Кольцова так глубоко вошли в жизнь народа, что стали почти неотделимы от фольклора.

Глубокий демократизм, проникновенная задушевность, мелодичность стихотворений Кольцова увековечили его имя в сердцах не только русских людей, но и народов всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Изд-во АН СССР, 1955, т. IX, стр. 101—146.
- Черышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. Гослитиздат. 1947, т. III, стр. 510—515.
- Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. Гослитиздат. 1934, т. I, стр. 119—161.
- Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений. Гослитиздат. 1937, т. 5, стр. 21—38.
- Акимов Ю. Л. Предисловие к собранию сочинений А. В. Кольцова, Гослитиздат, 1957.
- Тонков В. А. В. Кольцов. Жизнь и творчество. Воронеж. 1958.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Ранние годы жизни. Первые стихи	3
Годы творческого роста	7
Последний период творчества. Кольцов и Белинский	11
Кольцов — выдающийся народный поэт	18

Автор
Вячеслав Алексеевич Тонков

Редактор **Е. Н. Конюхова**
 Техн. редактор **Е. В. Савченко**
 Корректоры **Н. М. Краснопольская**
 и **Г. П. Зимина**
 Обложка художника **Ю. Матвеева**

А03613. Подписано к печати 20/IV 1959 г. Тираж 60 000 экз. Изд. № 13,
 Бумага 60×92¹/₁₆—1,0 бум. л.=2,0 печ. л. Учетно-изд. 1,81 л. Заказ № 982.

Типография издательства «Знание», Новая пл., д. 3/4.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Новая площадь, д. 3/4.

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ

на 2-е ПОЛУГОДИЕ 1959 года

на брошюры-лекции издательства «Знание»

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

Первая серия — по вопросам истории КПСС, истории СССР и всеобщей истории — 20 брошюр, 12 руб.

Вторая серия — философия, государство и право, педагогика и научно-атеистические знания — 20 брошюр, 12 руб.

Третья серия — политическая экономия и конкретная экономика — 20 брошюр, 12 руб.

Четвертая серия — научно-техническая — 18 брошюр, 10 руб. 80 коп.

Пятая серия — сельскохозяйственная — 16 брошюр, 8 руб.

Шестая серия — литература и искусство — 12 брошюр, 6 руб.

Седьмая серия — вопросы международной жизни — 12 брошюр, 7 руб. 20 коп.

Восьмая серия — биология и медицина — 12 брошюр, 7 руб. 20 коп.

Девятая серия — химия, физика, география и астрономия — 14 брошюр, 8 руб. 40 коп.

Десятая серия — молодежная — 6 брошюр, 3 руб. 60 коп.

Подписка по всем сериям принимается городскими и районными отделениями «Союзпечать», местными почтовыми отделениями и общественными уполномоченными на предприятиях и в учреждениях.